

Особенности японского менталитета на примере отношения к суициду Образцова И.И.

Европейцу понять японца очень сложно, это порой невозможно даже в наши дни, когда весь мир всё больше и больше становится похож на одну многонациональную страну. Уж тем более это было сложно 100 и более лет назад, когда Европа только начинала открывать для себя Японию. Поразительно всё: сад камней, бумажные журавлики, самурайские мечи и сами самураи, победа на Цусиме, IBM PC... Из этого многообразия трудно выбрать что-то одно, но кажутся наиболее значимыми две вещи: то, что если считать поэтами всех кто, когда-либо писал хокку, то нет и никогда не будет страны равной Японии по числу поэтов, и второе – отношение к смерти.

В 1985 году в Калифорнии 32-летняя японская иммигрантка, потрясенная изменой мужа, попыталась утопиться вместе с двумя маленькими детьми. Женщину спасли, детей - нет. Американский суд вынес "чудовищу" приговор за убийство первой степени. В Японии реакция была совсем иной: для них этот поступок не являлся преступлением, по крайней мере, с моральной точки зрения. Почему? Попытаемся в этой статье ответить на этот вопрос.

Ежегодно себя убивают 30000 американцев, 25000 японцев, 20000 французов, 60000 россиян, а число тех, кто пытается себя убить, в 7-8 раз выше. И это при том, что статистика самоубийств всегда занижена, в нее попадают лишь явные случаи. На самом же деле самоубийц гораздо больше - по оценке некоторых социологов, чуть ли не вдвое. По официальной статистике почти полмиллиона землян каждый год сами ставят точку в своей жизни. Только отношение к этому факту у разных народов разное. В данном случае можно противопоставить 2 полюса: европейский и восточный (на примере Японии).

В Европе отношение к суициду во многом сложилось, благодаря Христианству. Христианство повело страстную, непримиримую борьбу с самоубийцами, продолжающуюся и поныне, возможно не столько из высших соображений, сколько из меркантилизма, выполняя заказ земных властей. Все имеет свою цену, в том числе и возможность спасти миллионы душ, которую христианство получило с обретением статуса государственной религии.

Не секрет, что в первые века своего существования гонимая религия относилась к мученичеству, то есть альтруистическому самоубийству во имя веры, с благоговением. Христианство не смогло бы добиться такого авторитета без страстотерпцев, добровольно шедших на крест или на арену цирка, в пасть голодным хищникам. Однако государству и государственной религии мученики ни к чему - никогда не знаешь, чего от них ожидать, и примерно с V века отношение церкви к добровольной смерти во имя веры начинает меняться.

Утвердив принцип "кесарю кесарево", церковь расширила трактовку принципа "Богу Богово": бессмертная душа принадлежит Всевышнему, и только Он волен ей распоряжаться.

Христианская церковь относилась к самоубийству гораздо непримиримее, чем к убийству. Эта явная несправедливость аргументировалась

тем, что убийца еще может раскаяться в своем злодеянии, а самоубийца такой возможности лишен.

Впервые о естественных правах человека - на жизнь, на справедливый суд, на собственность - заговорили в Англии и поначалу только применительно к баронам ("Великая хартия вольностей", XIII век). К началу Нового времени идея о том, что у государя есть не только права, но и обязанности, а у подданных не только обязанности, но и права, распространилась по всей северной Европе.

Это не замедлило сказаться на отношении общества к суициду. Первым защитником самоубийц был Монтень, оправдывавший "благородное самоубийство" и восхищавшийся доблестными женщинами античности, жертвовавшими жизнью во имя долга или любви. Дэвид Юм, вознамерившийся "вернуть человеку его утраченную свободу", издал свой труд "О самоубийстве" (1777) через двадцать лет после того, как этот трактат был написан. Почти сразу же книга попала в список запрещенных изданий, но в конце XVIII века это было уже явным анахронизмом - эпоха безоговорочного осуждения суицида подходила к концу.

Французская революция, пролившая реки крови, но показавшая всему миру, как надо расправляться с предрассудками и анахронизмами, первой вычеркнула самоубийство из списка уголовных преступлений. Последней же из европейских стран на это решилась Великобритания, сохранявшая в кодексе антисуицидную статью вплоть до 1961 года.

А вот настал XX век, который называют веком социальных революций и веком технического прогресса, веком космоса и веком атома, веком мировых войн и веком массовой культуры. Все это, конечно, так, но ведь самое важное - не то, что происходит вокруг нас, а то, что творится в нашей душе.

В душе человека в XX веке произошло вот что: огромное и постоянно увеличивающееся количество людей в разных частях планеты перестали хотеть жить.

В восточной религии, гораздо в меньшей степени озабочены этической оценкой суицида, чем в христианской. На Востоке, как правило, вообще не склонны рассматривать самоубийства как вопрос первостепенной важности.

Для человека европейской культуры смерть находится за гранью, откуда нет возврата. Тогда как восточная религии провозглашает повторяемость земных перерождений человека, которому суждено много раз жить и много раз умирать.

С точки зрения суицидологии главное отличие восточных религий (то есть индуизма и буддизма) от религий западных (христианства, ислама и иудаизма) заключается в том, что самоубийство не имеет греховности. Это серьезный аргумент против "нравственного закона", отвергающего суицид. Если половина человечества в течение многих веков не считала суицид преступлением против Бога, то, может быть, Бог (нравственный закон, природа) самоубийц вовсе не отвергает? Что если наш пресловутый "нравственный закон" - всего лишь голос подсознания, которое, как известно, формируется под

влиянием взраставшей нас культуры, в данном случае христианской, а стало быть, антисуицидной?

Самое убедительное свидетельство того, что суицидальность является постоянным атрибутом японского национального характера, дает статистика. Уникальный в истории человечества случай: сегодня коэффициент самоубийств в Японии в точности такой же, как в 1882 году, когда в стране Восходящего Солнца, впервые проводилось исследование причин смертности. На протяжении минувших ста с лишним лет бывали, конечно, и взлеты, и спады - согласно общему закону Дюркгейма. Во время больших войн, как и полагается, число самоубийств сокращалось, в периоды национальной депрессии и социальной перелицовки возрастало. Например в 50-е годы, когда после поражения империи оккупированная Япония мучительно строила новый жизненный уклад, новую социальную структуру, новую этику, японцы убивали себя чаще, чем кто бы то ни было. Доля Японии в мировой статистике самоубийств достигала 8% - при населении в 3%. Больше всего суицидной эпидемией была поражена молодежь, а у женщин в возрасте 20-29 лет самоубийство стало самой распространенной причиной смерти.

Однако стоило общественным потрясениям немного улечься, и магическая средняя цифра (17-18 самоубийств на 100000 населения) всякий раз с необъяснимым упорством восстанавливалась. Национальная специфика незыблемо сохраняется: высокий суицидный уровень для молодежи, спад в средневозрастной группе и новый подъем в старости.

Под спецификой имеется в виду чисто японские мотивации и разновидности суицида. Естественно, что в подавляющем большинстве случаев японцы убивают себя по вполне "тривиальным", так сказать, общечеловеческим причинам, однако достаточно часто происходят трагедии с сугубо национальной окраской, что позволяет всерьез говорить о "суициде с японским лицом".

Типическому японцу свойственна ориентация не на индивидуальные, а на коллективистские ценности. Быть независимым, оригинальным, непохожим на других - дурной тон. Худший из грехов - эгоцентризм. Жестко структурированное общество не одобряет личной инициативы, понуждая человека все время ощущать себя не единоборцем, а "членом команды". Для японца характерно определять свою идентичность через принадлежность к определенной группе. В средневековой японской общине высшей мерой наказания была не смерть, а изгнание с позором. Вообще стыд - главный регулятор в японской этической системе. Если иудеохристианская мораль зиждется на концепции греха (совершать проступки нельзя, потому что за это ответишь перед Богом или, если нерелигиозен, перед собственной совестью), то японец ведет себя нравственно потому, что боится попасть в постыдную ситуацию и превратиться в объект осуждения или насмешек.

Принадлежность к группе является для японца одновременно защитным панцирем и ахиллесовой пятой: оберегает от личных невзгод, ибо общее дело важнее частного, но в то же время удар, обрушивающийся на группу,

воспринимается как собственная трагедия. Мы с удивлением смотрим, как перед камерами рыдает президент японской корпорации, потерпевшей банкротство, или как покаянно кланяется крупный чиновник, попавший в некрасивую историю. В подобных случаях нередки и самоубийства. Иностранцам это кажется японской экзотикой. Так называемый "ролевой нарциссизм" понуждает японского служащего воспринимать и ценить себя прежде всего как исполнителя некоей профессиональной роли, превращает человека в винтик слаженно работающей машины. Это полезно для общества и безопасно для индивидуума - до тех пор, пока машина не пошла вразнос и винтики не начали сыпаться.

Далеко не последнюю роль в отношении японцев к суициду играет и давняя, глубоко укорененная в культуре поэтизация добровольного ухода из жизни. Романтический ореол, которым в западной традиции окружены некоторые виды самоубийства, в Японии сияет еще ярче и лучезарнее. Самоубийство благородного героя или героини - это главный фабульный ход японской классической литературы, самый красивый и волнующий из всех возможных финалов. Хеппи-энд вроде "стали жить-поживать и добра наживать" или "они жили долго и счастливо" с японской точки зрения скучен и даже безвкусен. То ли дело "Ромео и Джульетта" или пьеса "Гроза", в которой Катерина, оказавшись в безвыходной ситуации (виновата перед супругом и не может соединиться с возлюбленным), поступает истинно по-японски: утопиться, бросившись с обрыва, - это очень романтично.

В японском языке существует целый суицидный глоссарий, в котором для каждого из видов самоубийства имеется собственный термин.

Самая почетная и завидная из смертей - самопожертвование в бою, которое по-японски самоубийством не считается. В ХХI веке харакири уже не практикуется. Но раньше, самурай, отправляющийся на войну, должен был мечтать не о возвращении с победой, а о гибели на поле брани. Провожая сына, хрестоматийно-образцовые японские родители говорили не "береги себя", а "умри как герой". От такого спартанства делается не по себе, даже если предположить, что родители говорили вслух одно, а думали другое. Как бы там ни было, сыновья принимали напутствие всерьез, и при первом же боевом столкновении Европы с Японией, в русско-японскую войну, солдаты микадо потрясли воображение "красноволосых" (то есть наших предков) своими суицидальными атаками.

Смерть в поле зрения японца с детства; она всегда - альтернатива. Что же странного, если подросток, перепробовав разные игры, пытается сыграть и в эту? Всю Японию потрясло самоубийство 16-летнего школьника, который 20 ноября 1996 года "сыграл в Мисиму". На улице, прямо на глазах у прохожих, мальчик пронзил себе горло семейным мечом, хранившимся в родительском доме. Выяснилось, что перед этим по телевизору показывали фильм "Меч", снятый по произведению Мисимы.

Однако при всей своеобразности суицидальной картины Япония отнюдь не лидирует в мире по уровню самоубийств. Привычка во всем

руководствоваться этикетом и определенными правилами поведения делает жизнь человека в целом более защищенной и уютной, а теневой своей стороной - депрессией и суицидальным порывом - оборачивается лишь в экстремальных случаях, перечень которых, в общем, тоже регламентирован. Твердые правила жизни подразумевают и соблюдение правил смерти. Недавно один осакский служащий поднялся на крышу офисного здания и спрыгнул вниз. Полиция заподозрила убийство, хотя по всем приметам смерть выглядела (и оказалась) суицидом. Подозрение было вызвано "неправильным" поведением самоубийцы, человека нового поколения: во-первых, не написал предсмертной записки, а во-вторых, не оставил на краю крыши обувь. В смерть, новое обиталище, надо входить, как в дом, - разувшись.

В японской традиции прекрасными считаются все самоубийства, совершенные из благородных побуждений, к каковым относятся чувство долга, любовь или возвышенная скорбь. В эпоху Эдо (1603-1867) о таких самоубийцах писали пьесы для кабуки и кукольного театра. Зрители приходили не столько ужаснуться трагедийностью, сколько полюбоваться зрелищем истинной красоты.

Тут мы подходим к случаю, описанному в начале: В 1985 году в Калифорнии 32-летняя японская иммигрантка, потрясенная изменой мужа, попыталась утопиться вместе с двумя маленькими детьми. Женщину спасли, детей - нет. Американский суд вынес "чудовищу" приговор за убийство первой степени что вызвало в Японии настоящий шок и волну протестов. С японской точки зрения американцы проявили варварскую жестокость: мало того, что у бедняжки распалась семья, мало того, что погибли дети, мало того, что ей не дали умереть, так еще опозорили и на много лет заперли в тюрьму. Японская мать, решившаяся умереть вместе с ребенком, поступает так не из эгоизма, а следуя этической установке, согласно которой вероломство хуже смерти. Оставить свое беззащитное дитя на милость враждебного, безжалостного мира, когда сама предпочитаешь из этого мира уйти, - худшее из предательств. В Японии чаще, чем где бы то ни было, происходили, да и сегодня еще случаются икка-синдзю ("самоубийство всей семьи") - обычно из-за экономических трудностей. Тут уже предполагается не минутное помутнение рассудка, не истерика, а взвешенное решение с семейным советом и консенсусом.

Если за малышом решают родители, то, когда дети становятся постарше, суицидная инициатива нередко исходит от них. И здесь мы подходим к одной из самых болезненных тем современной японской жизни - подростковому самоубийству. Общество никак не может справиться с этой напастью - ежедневно в среднем трое несовершеннолетних японцев убивают себя, а количество суицидных попыток в несколько раз больше. Мотивы потрясают. Любимый ребенок, оставленный за проказы без мороженого, может мечтать, как он умрет, и вот тогда папа и мама расскаются в содеянном. Но японские дети гораздо легче, чем их зарубежные сверстники, переходят от грез к делу. В предсмертных записках, накарябанных детским почерком, можно прочесть что-нибудь вроде: "боюсь экзамена", "отругала учительница", "папа не купил

лыжи". Бывают причины и посерьезней. Ежегодно примерно полторы сотни школьников кончают с собой, затравленные одноклассниками. Неужто японские дети отличаются какой-то особой жестокостью по отношению к сверстникам? Вовсе нет, дети как дети. Главное - иное отношение к смерти.

Нам свойственно "прятать" от детей все, связанное со смертью. "Бабушка уехала", говорим мы, не желая травмировать ребенка. В результате у детей поздно формируется представление о собственной смертности, оно не входит в число базовых сведений о жизни. Японские же дети относятся к смерти спокойно. Они с самого раннего возраста знают, что смертны, этот факт менее страшен, потому что воспринимается как данность. Это ментальное различие видно хотя бы на примере игрушки "тамагочи", первоначально придуманной для японских детей. Идея "смертного" любимца никогда бы не пришла в голову западным разработчикам. Какой шок для психики ребенка - волшебная зверушка "умерла"! Для иностранных детей пришлось придумывать модификации с превращением цыпленка в ангелочка и так далее. Маленькие японцы в смерти бедного тамагочи проблемы не видят: опечаленно вздохнут, аккуратно похоронят и потребуют от родителей нового.